

**Аспен
Матис**

**САМЫЙ
БЕЗУМНЫЙ
ИЗ МАРШРУТОВ**

**Москва
2017**

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
М34

Aspen Matis
Girl in The Woods

Матис, Аспен.

М34 Самый безумный из маршрутов / А. Матис ; [пер. с англ. А. Н. Павлова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 528 с. — (Travel Story. Книги для отдыха).

ISBN 978-5-699-95818-4

«Самый безумный из маршрутов» — вдохновляющая история девятнадцатилетней Аспен Матис. Девушка-подросток одна покорила горные перевалы, пережила встречи с гремучими змеями, дикими медведями и пустынными паломниками. Маршрут длиной в 3000 километров превратился для Аспен в долгий путь исцеления. На тропе она нашла свою силу и после тысячи миль независимости встретила мужчину, который помог ей научиться любить и доверять.

**УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44**

© 2015 by Aspen Matis. All rights reserved.
Published by arrangement with William
Morrow, an imprint of HarperCollins
Publishers

© Павлов А.Н., перевод на русский язык,
2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95818-4

Посвящается всем девушкам,
которым внушают, что они не смогут
стать героинями собственных историй.
А также моему кумиру, писательнице
Сьюзан Шапиро.

Оглавление

Пролог	7
--------	---

Часть I ЧТО Я НЕСЛА С СОБОЙ

Глава 1. Город-сад	13
Глава 2. Ужасные семена	26
Глава 3. Кровь на дорогах	48
Глава 4. Что я несла с собой	65
Глава 5. Угрозы пустыни	90
Глава 6. Неприкаянные призраки	103
Глава 7. Миражи	135
Глава 8. Пустые слова	155
Глава 9. Дикие мечты	178
Глава 10. Волшебство на тропе	205

Часть II
ХРЕБЕТ СВЕТА

Глава 11. Любовь в лесу	231
Глава 12. Расстояние до рая	251
Глава 13. Вам не причинят вреда	268
Глава 14. Хребет Света	296

Часть III
ДЕВУШКА В ЛЕСУ

Глава 15. Тысяча миль одиночества	325
Глава 16. Хозяйка своей жизни	371
Глава 17. В огне	396
Глава 18. Любовные записки под камнями	429
Глава 19. Руководство по исцелению для путешественников	456
Глава 20. Девушка в лесу	494
Эпилог	506
Международные ресурсы	514
Благодарности	516
Об авторе	526

Пролог

*18 июня,
неизвестное место,
Северная Высокая Сьерра,
1170-я миля*

Я вышла из леса в поле, покрытое плотным снегом с блестящими льдинками. Чувствуя свою уязвимость, я осторожно ступила на неровную поверхность прошлогоднего снега, освещенного солнцем. Я старалась наступать только на блестящие края ямок, на дне которых лежал мягкий тающий снег. Если наступить туда, можно провалиться.

Я находилась в Высокой Сьерре. Я вышла на этот снежный участок гор из пустыни. Двамя месяцами раньше я стояла в тени бурого ржавого забора из гофрированного металла, который простирался вдоль мексиканской границы так далеко, насколько хватало моего зрения. Пустыня приближалась и расходилась в стороны, как море, и между пыльными волнами я не видела никого. Свой путь я начинала с безмолвного места, оттуда, где Калифорния граничит с Мексикой. С собой у меня было пять полных бутылок воды, одиннадцать фунтов снаряжения и множество сладостей. Рюкзак у меня был крошечным, не больше ранца школьницы. То, что я взяла с собой, — это все, что у меня было.

8 Пролог

Начав от пустынной границы Калифорнии с Мексикой, каждый день я преодолевала марафонскую дистанцию. Вчера я прошла 25 миль. Сегодня я прошла уже 17 миль. Мили проплывали под моими быстрыми ногами, как реки из пыльной гальки, веток на фоне неба, камней на камнях, змей, бабочек и землемеров, а также сухих листьев со сладким запахом вязкой черной земли. Я не встречала никого много дней. Но одиночество меня не пугало. Безлюдная пустошь казалась самым безопасным местом.

Снежное поле шло под уклон горы, и я начала бегать. Мои движения стали теперь неконтролируемыми, неосторожными, а пятки пробивали прозрачный лед. От тяжелых шагов по девственной поверхности разбегались трещины, как от удара молотка по лобовому стеклу; мои удары вновь и вновь сотрясали мир. Мне нравился лопающийся звук трескающейся поверхности, сам удар, проникающий вглубь еще на дюйм.

Затем я провалилась в снег, по самую шею.

Сердце замерло. Я попыталась высвободить руки, однако они не двигались. Жесткий снег царапал меня, боль отдавалась в руках и ногах. Мне нужно было выбраться из ямы размером с человека! Я извивалась. Я должна была бороться. Я попыталась освободиться, используя всю свою силу. И внезапно, одним резким рывком, я высвободила руки. Они горели, оцарапанные снегом, и покраснели. На мне был лишь тонкий черный тренировочный костюм из спандекса и полипропиленовая футболка с короткими рукавами. Я ведь не собиралась застревать в снегу.

Я попыталась высвободиться полностью, но ноги были зажаты. Я не могла передвинуть ступни даже на дюйм. Я не чувствовала пяток. Я билась, но ничего не

выходило. Тогда левым бедром я вжалась в снег; хотя оно горело, я продолжала все сильнее давить всем телом, пока от таяния снега яма не стала шире, а снег не превратился в мокрый лед. Когда яма расширилась, все мое тело горело; правая ступня была холодной, замерзшей, и в ней появилась острая боль. Я попыталась пошевелить пальцами ноги, чувствуя, как один трется о другой. Я знала, что могу легко потерять ногу. За какой-то миг горы из игровой площадки превратились в смертельную западню. При всем моем опыте выживания, накопленном за тысячу миль перехода — мимо греющихся на солнце гремучих змей, через которых я перешагивала, как через палки, мимо медведей со стеклянными глазами, — со всем стыдом и бременем моей тайны, после всего, что произошло, эта дурацкая, на вид безобидная груда снега могла стать местом моей гибели. Мое тело было лишь темной точкой среди бескрайней снежной пустыни. Мне было всего 19 лет.

Я яростно хотела жить.

Как гласит китайская пословица, путешествие длиной в тысячу миль начинается с первого шага. Это путешествие началось с насилия над моим телом, после чего у меня появилась безумная надежда. Я вошла в пустыню одна в поисках красоты и своей потерянной невинности и силы. Я сделала два с половиной миллиона шагов в этом направлении и очутилась здесь. Сейчас, находясь по шею в снежной яме в далеких горах, я чувствовала лишь одно — что я увязла.

Это история о том, как мое безрассудство стало моим спасением.

Часть I

ЧТО Я НЕСЛА С СОБОЙ

Глава 1

Город-сад

Первые свои восемнадцать с половиной лет я прожила в белом колониальном доме в идиллическом городе Ньютон, штат Массачусетс. Ньютон — это Город-сад, по статистике, самое безопасное место в Америке; за всю мою жизнь там было совершено лишь одно-единственное убийство. Это старый красивый город, в котором весенний свет покоится на мандариновых деревьях и клумбах из фиолетовых маргариток, на бархатцах, сахарных кленах и яблонях-кислицах возле белых кирпичных домов, обвитых скрюченными лианами голландского плюща.

Никогда меня не заставляли переезжать, менять уклад своей жизни, рвать связи с моими корнями. Мои родители были счастливы в браке, район процветал, а тротуары сверкали чистотой. Мама и отец окончили Гарвардскую школу права и стали бостонскими юристами. В деньгах мы не нуждались. У меня было два старших брата. Я была любимицей семьи. Никто, кого я любила, не умер.

Я была очень близка со своей матерью; люди, жившие по соседству, знали меня как маленькую девочку, которая всегда ходит со своей мамой. Мы гуляли по вечерам, несколько раз в неделю, мимо продуктового рынка и футбольного поля Малой Лиги, начальной школы Мэйсон Райс и гладкого, как

стекло, озера, тихонько обходя окрестности, которые днем за секунды проезжали в нашем минивэне. Ночи в нашем пригороде были тихими и очень темными, в спокойном Кристальном озере, как в большом неподвижном черном глазу, отражались уличные фонари; мокрые скользкие листья собирались у бордюров и гнили. Все обращенные к воде дома излучали ласковый желтый свет. Мы шли рядом по бетонному тротуару, перешагивая через корни и беседуя — в основном обо мне. Я рассказывала маме, как прошел день, какое домашнее задание мне предстоит сделать, а также о будущих контрольных и планах, даже о колледже. Во время вечерних прогулок мы проходили от трех до семи миль, а переходя большие улицы, держались за руки. Мне это очень нравилось.

Позже, когда мы уже были дома, приходил отец. Обычно я сидела одна за кухонным столом, съедая обед, который мама готовила специально для меня. Часто она готовила отдельный обед для каждого из нас — то, что мы хотели; днем она звонила нам, чтобы узнать о наших пожеланиях.

Отец не говорил со мной обо мне, как это делала мама. Иногда, когда мы вместе возвращались на машине домой, он просил меня: «Дэбби, расскажи мне что-нибудь замечательное». Я что-то рассказывала, и он объявлял маме или только мне одной: «Она гениальна».

Меня переполняла гордость, у меня кружилась голова, и я пьянела от надежности этой любви. По моему телу бежали мурашки, когда он называл меня «шедевром»

и хвалил глупые рассказы, которые я писала. А иногда, по вечерам, я садилась в старое деревянное кухонное кресло и ждала, когда он придет домой; но когда он приходил, и я говорила: «Папа», он отвечал «Привет», проходил через комнату мимо меня и шел по лестнице вверх. Каждый шаг отдавался скрипом под его тяжестью. Я никогда не могла предугадать его настроение, но всегда надеялась, что оно будет хорошим, что он посмотрит на меня и поцелует, будет ждать ответного поцелуя и желать моей любви и саму меня.

Укрывшись за закрытой побеленной деревянной дверью своего домашнего кабинета, он писал. Когда я начала ходить в среднюю школу, он написал уже 13 больших книг, в самой толстой из которых было 2600 страниц. Иногда там, наверху, он играл на гитаре, акустическом гитбоне — прекрасном, пронизанном солнечным светом инструменте, заменившем тот, что украли из папиного «Доджа», когда ему был 21 год и он только что женился на маме.

Вечерами, когда отец бывал в хорошем настроении — а это случалось три-четыре раза в неделю, — он проводил час в своей комнате, занимаясь на тренажере, который мы называли Лыжной машиной. Я слышала, как работает машина — ква, ква, ква. Она была очень старой и шумной, деревянной, с двумя старыми лыжами, скользящими по металлическим полозьям. Когда отец тренировался, из акустических колонок в его комнате звучал Дилан, исполняющий «Ты уже большая девочка», а иногда Спрингстин. Это была музыка, которую он любил и которую не могла не полюбить я — так громко она была слышна в каждой комнате. Папа говорил мне, что у него есть все до единой песни, записанные Диланом. Я чувствовала, как общая